

УДК 343.431

КРИМИНООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Семён А. Силаев¹, Иван В. Ковылов²

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Коллегия адвокатов № 31 г. Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области, 652500, Россия, г. Ленинск-Кузнецкий, пр-т Кирова, 55

@¹ silajeu@tut.by

@² pwl.nm@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.03.2018. Принята к печати 02.04.2018.

Ключевые слова:

торговля людьми, рабство, эксплуатация, Палермский протокол, стадии совершения преступления, сложные единичные преступления.

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются проблемы имплементации международно-правовых норм о запрете торговли людьми (прежде всего положений т. н. Палермского протокола 2000 г.) в национальное уголовное законодательство Российской Федерации. Отмечаются определённые терминологические сложности, связанные с включением конвенционных норм в систему российского права; на основе юридико-догматического и сравнительно-правового методов анализируется содержание исполнительских действий в составе преступления торговли людьми, способов и целей их совершения, обращается внимание как на юридико-технические, так и на уголовно-политические недостатки в их законодательном описании. Уточняется взаимосвязь торговли людьми с эксплуатацией, а также её соотношение с торговлей детьми как относительно самостоятельным криминальным феноменом. Предлагается новое наименование статьи 127¹ УК РФ «Сделка в отношении человека» и приведение её диспозиции в соответствие с институтами и принципами континентального права, положениями общей части уголовного закона и достижениями отечественной уголовно-правовой доктрины. Решаются отдельные вопросы квалификации преступлений, связанных с торговлей людьми, с учётом стадий их совершения и по признакам соучастия; определяется место торговли людьми в системе единичных преступлений.

Для цитирования: Силаев С. А., Ковылов И. В. Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 55–65.

В российском уголовном законодательстве вот уже почти пятнадцать лет (с момента вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) прямо предусматривается ответственность за торговлю людьми как за самостоятельное преступление против свободы, чести и достоинства личности (ст. 127¹ УК РФ). Тем не менее приходится констатировать, что за это время, несмотря на довольно широкую распространённость подобного рода посягательств на фундаментальные права человека, не сложилось единообразной судебной-следственной практики по данной категории уголовных дел. В специальной литературе отмечаются многочисленные трудности, связанные с применением вышеуказанных норм, описано немало спорных и неоднозначных решений органов уголовной юстиции, причём чаще всего речь идёт именно о неверной квалификации содеянного, а не о каких-либо иных нарушениях материального и процессуально-законодательства.

Как верно отмечала Н. Ф. Кузнецова, причины квалификационных ошибок могут лежать не только в плоскости правоприменения, но и в самом уголовном кодексе, в котором имеются отдельные случаи

пробельности, избыточности норм, а также их неточности или устарелости [1, с. 33]. В случае с торговлей людьми проблема усугубляется тем, что речь идёт об одном из т. н. «конвенционных» преступлений, ответственность за которые национальный законодатель устанавливает в порядке имплементации соответствующих положений ратифицированных международных договоров. З. Стоянович справедливо указывает на то, что к написанию конвенций, обязывающих государства криминализовать определённые деяния, как правило, подходят отнюдь не столь внимательно и серьёзно, как следовало бы при разработке уголовного законодательства, а потому к данным документам нужно относиться критически, несмотря на взятые обязательства по приведению национального законодательства в соответствие с ними [2, с. 26–27]. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы процесс имплементации не сводился к механическому переписыванию международно-правовых норм, а был связан с приспособлением их к специфическим условиям и потребностям данной страны. Кроме того, конвенции содержат лишь «минимум криминализации», оставляя за государствами-участниками право

на расширение соответствующего уголовно-правового запрета, чем и воспользовался российский законодатель применительно к интересующему нас составу. Посмотрим, насколько удачным было такое решение.

Анализ ст. 127¹ УК РФ стоит начать с некоторых терминологических аспектов. Не секрет, что большинство конвенций, принимаемых под эгидой ООН и Совета Европы, изначально пишутся по-английски и лишь затем переводятся на другие языки. В английском тексте Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (далее – Палермский протокол), используется термин *trafficking in persons*; в Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. «лица» (*persons*) заменены на «человеческие существа» (*human beings*) однако и здесь употребляется отглагольное существительное *trafficking*, буквально означающее «движение» (уличное, транспорта и т. п.), а в переносном смысле – скорее «оборот», нежели «торговлю», причём, как правило, речь идёт о «вредных благах», незаконном товаре (в отличие от *trade* – торговли законными товарами). В официальных текстах вышеуказанных документов на романских языках для передачи этого понятия используются термины, обозначающие переговоры или торговые соглашения (фр. *la traite des personnes*, итал. *la tratta di persone*, исп. *la trata de personas*). В арабском мире данный криминальный феномен принято называть *al-ittijaar b'il-bashar*, при этом слово *al-ittijaar* означает «торговлю» или «коммерцию» как одну из сфер хозяйственной деятельности. По тому же пути пошли в германоязычных и славянских странах (ср. нем. *Menschenhandel*, польск. *handel ludźmi*, укр. торгівля людьми, серб. трговина људима, хорв. *trgovanje ljudima*, макед. трговија со луѓе и т. д.) [3, с. 196–197; 4, с. 20]. И если для конвенций (скорее политических, нежели правовых актов) и для «криминологического» [5, с. 56–60], или «профилактического» [6, с. 23–26], законодательства, ориентированного на противодействие определённому антисоциальному явлению, подобное терминологическое решение вполне приемлемо, то использование таких выражений в названиях и диспозициях статей особенной части уголовного закона совершенно неуместно и ни к чему, кроме путаницы, не приводит.

Аксиоматично, что уголовная ответственность может предусматриваться лишь за конкретное деяние, но не за явление. Коль скоро торговля – это именно явление, то не может (не должно) быть состава торговли людьми, как не должно быть составов эпидемии, коррупции, организованной преступности, наркобизнеса и т. п. Торговлей можно заниматься, но её нельзя совершить; поэтому даже с точки зрения лексических норм русского языка весьма странно выглядит обвинение кого-либо в том, что он «совершил торговлю людьми». Кроме того, название ст. 127¹ УК РФ создаёт иллюзию, будто бы для наличия состава запрещаемого ею преступления требуется на-

рушение или поставление в опасность прав как минимум двух лиц, что совершенно неприемлемо как с позиций конституционного принципа защиты прав человека и гражданина, т. е. каждого отдельного индивидуума, так и с формально-догматических позиций: коль скоро множественность потерпевших предусмотрена в качестве квалифицирующего признака состава торговли людьми (п. «а» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ), она не может рассматриваться в качестве криминообразующего элемента этого же состава. Вместе с тем предлагаемая отдельными исследователями реформа, сводящаяся к замене множественного числа в названии преступления на единственное (т. е. переименованию торговли людьми в «торговлю человеком» [7, с. 18]), столь же неприемлема, как и существующее положение вещей, ибо деяние в таком случае по-прежнему будет называться «торговлей», т. е. термином, предполагающим определённую систематичность преступного занятия; указание же не на «людей», а на «человека» в качестве предмета этой деятельности лишь усугубит путаницу.

В этой связи предлагаем следующее название преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ: *сделка в отношении человека*. Развёрнутое обоснование такого терминологического решения будет предложено ниже, а пока обратим внимание на различия между определениями торговли людьми, содержащимися в международно-правовых актах и в российском уголовном законе.

Согласно п. «а» ст. 3 Палермского протокола «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путём угрозы силой или её применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путём подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Данное определение дословно воспроизведено и в ст. 4 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми. В действующей же редакции ст. 127¹ УК РФ состав преступления формулируется как «купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершённые в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение». Как видим, «национальное» определение торговли людьми имеет три существенных отличия от «международного»: во-первых, в нём опущено перечисление способов совершения преступления; во-вторых, добавлены два исполнительских действия (купля-продажа человека и иные сделки в отношении человека); в-третьих, цель эксплуатации является обязательным субъективным признаком не для всех действий, расцениваемых как торговля людьми.

Отказ российского законодателя от конкретизации способов совершения действий, образующих торгов-

лю людьми, на наш взгляд, заслуживает поддержки. С одной стороны, такое решение позволяет объединить в одном составе торговлю взрослыми и несовершеннолетними без дополнительных оговорок вроде тех, что содержатся в п. «с» ст. 3 Палермского протокола. С другой стороны, в приведённом выше «международном» определении торговли людьми названы едва ли не все способы, какие только возможны, так что отказ от перечневого метода в данном случае позволил сэкономить правовой материал без ущерба для нормативной определённости уголовно-правового запрета.

Весьма проблематична, однако, квалификация преступлений, связанных с торговлей людьми, по основному признаку объективной стороны – исполнительскому деянию.

Признание таковым «купли-продажи человека», а после принятия Федерального закона от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ – и «иных сделок в отношении человека», было неоднозначно воспринято учёными-юристами. Один из наиболее распространённых упреков законодателю сводится к тому, что «с юридической точки зрения сделка в отношении человека – нонсенс», поскольку, во-первых, человек является субъектом, а не объектом гражданских прав; во-вторых, в действующем гражданском законодательстве сделки как правомерные действия жёстко противопоставлены правонарушениям; а в-третьих, такая формулировка не соответствует «ни общечеловеческим, ни общепринятым демократическим ценностям» и может применяться лишь для описания исторических реалий рабовладельческого общества [4, с. 18–20]. Представляется, что подобная аргументация бьёт мимо цели. Никто не станет отрицать, что в современном обществе, основанном на принципах гуманизма и уважения прав человека, человек не может быть товаром, вещью; однако в ст. 127¹ описывается преступление, т. е. антисоциальное деяние, противоречащее господствующим общественным отношениям. Именно потому, что торговец людьми обращается с человеком как с «живым товаром» и смотрит на него не как на самоценную личность, а лишь как на средство обогащения, он и подвергается уголовной репрессии. В конце концов, любое преступление (если не брать в расчёт некоторые случаи очевидно необоснованной криминализации) представляет собой аморальный поступок, противный общепринятой системе ценностей, и эта моральная неприемлемость (упрёчность) деяния в известной мере обуславливает его противоправность как юридическое выражение общественной опасности. А потому использование в ст. 127¹ УК РФ терминов «купля-продажа» и «сделка» – это не просто «дань традициям» национального права, не просто отголосок утратившей силу ст. 152 «Торговля несовершеннолетними», как полагают некоторые авторы [8, с. 157–158], а вполне рациональный юридико-технический приём, позволяющий как нельзя лучше раскрыть фактическое содержание действий, охватываемых понятием торговли людьми. Но проблемы толкования признаков объективной стороны анализируе-

мого состава преступления на этом не заканчиваются, а только начинаются.

Анализ специальной литературы позволяет прийти к выводу, что учёные-криминалисты зачастую не вполне адекватно понимают содержание гражданско-правового понятия *сделка*, что мешает им правильно решить некоторые сугубо уголовно-правовые вопросы и прежде всего – определить момент окончания интересующего нас преступления. Справедливо отмечая, что купля-продажа и иные сделки представляют собой «центральное» действие в составе торговли людьми, а вербовка, перевозка и укрывательство – это поведение, сопровождающее, предшествующее или следующее за ним [9, с. 100], или «сопутствующие действия» [10, с. 5], многие авторы тем не менее игнорируют тот факт, что сделка как одна из разновидностей юридических актов – это действия граждан и юридических лиц, *направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей*. Соответственно, сделка как акт волеизъявления нетождественна тем правовым последствиям, ради наступления которых она совершается; за совершением сделки не обязательно последует её исполнение, а потому вряд ли можно согласиться с В. А. Лаевским, будто бы статья о торговле людьми предусматривает ответственность не за *действия, направленные на совершение сделок*, а за *совершение сделок* [11, с. 142]. В том-то и дело, что формулирование состава торговли людьми как «сделки» превращает его из обычного формального состава в усечённый, перенося момент юридического окончания данного преступления зачастую на момент соглашения (сговора) между «продавцом» и «покупателем» человека, его «арендодателем» и «арендатором» и т. п. Поэтому для оконченной торговли людьми в форме двусторонней сделки вовсе не требуется, чтобы обе стороны выполнили всё необходимое по сделке, как это представляется ряду авторов [9, с. 102]. Остаётся лишь сожалеть, что Г. К. Смирнов, одним из немногих обративший внимание на консенсуальный характер купли-продажи, недооценил это обстоятельство, придя к спорному выводу, будто бы «достижение соглашения о купле-продаже человека образует стадию покушения на преступление» [12, с. 23–24]. В любом случае представляются неприемлемыми всякие попытки увязать момент юридического окончания торговли людьми с фактом уплаты «покупной цены» [9, с. 102; 12, с. 24; 13, с. 22] (хотя у некоторых такое решение и «не вызывает сомнений» [14, с. 86]): торговля людьми – это не преступление в сфере имущественных отношений, а преступление против личной свободы и человеческого достоинства, и от того, что «покупатель» не оплатил «живой товар», ущерб, причиняемый объекту уголовно-правовой охраны, не становится меньшим, чем после полного расчёта между преступными контрагентами; кроме того, сделка в отношении человека вообще может быть безвозмездной. Если факт передачи денег за жертву торговли людьми и имеет какое-то правовое значение, то лишь доказательственное – точно так же, как и в случаях незакон-

ного сбыта наркотиков, оружия и прочих предметов, изъятых из оборота.

Заметим, что специалисты в области уголовного права довольно часто пытаются наделить термин *сделка* неким «уголовно-правовым» смыслом, отличным от его гражданско-правового значения, и это касается не только торговли людьми, но и ряда других преступлений, объективная сторона которых описывается законодателем как «совершение сделки». Так, Н. А. Лопашенко, анализируя состав незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ), утверждает, будто бы «момент заключения сделки в гражданско-правовом смысле не может довлеть над уголовно-правовой материей, хотя бы потому, что она совершается незаконно, больше того, преступно. Все сделки в уголовном праве должны толковаться как реальные, связанные с непосредственной передачей предмета сделки» [15, с. 141–142]. В обоснование своей позиции данный автор приводит два аргумента: во-первых, «иное решение неоправданно усложнит правоприменение, которое должно будет в каждом случае решать вопрос о том, какая же в данном случае сделка имеет место – консенсуальная или реальная»; во-вторых, «перенос момента окончания преступления ... на более раннюю стадию повлечёт невозможность добровольного отказа от совершения преступления тогда, когда предмет сделки ещё не передан» [15, с. 142].

Полагаем, что выбор варианта применения закона не должен определяться простотой или сложностью задачи по установлению фактических обстоятельств дела и их надлежащей правовой оценке (в конце концов, для сотрудников следственных и судебных органов устанавливаются определённые квалификационные требования как раз для того, чтобы они могли успешно решать подобные задачи). Кроме того, в правоприменительной деятельности принципиально недопустимо подменять букву закона собственными представлениями о том, каким этот закон должен быть. Определение объёма репрессии и установление границ компромисса в борьбе с преступностью – это прерогатива законодателя. А потому если преступное деяние определено в законе как «сделка», то его надо понимать именно как сделку, несмотря на то, что кому-то это может показаться трудным, а кто-то из-за этого лишится права на уголовно-правовое поощрение, предусмотренное ст. 31 УК РФ. Противоправность не имеет тут ровным счётом никакого значения хотя бы потому, что в гражданском законодательстве в качестве одного из оснований ничтожности *сделки* предусматривается совершение её *с целью, противной основам правопорядка или нравственности* (ст. 169 ГК РФ).

В корне неверным представляется нам и расширительное толкование понятия *купля-продажа*. Так, Т. В. Долголенко утверждает, будто бы образующие это действие покупка и продажа могут осуществляться «как навсегда, так и во временное распоряжение. В качестве средства платежа выступает денежный или иной имущественный эквивалент», каковым может

выступать любая «выгода имущественного характера»: «движимое и недвижимое имущество, а также иные формы – бесплатное получение чего-либо, подлежащего оплате, отказ от имущественного или денежного долга и т. п.» [16, с. 112]. Аналогичную позицию по данному вопросу занимает и С. А. Яшков, трактуя возмездность (один из обязательных признаков купли-продажи человека) как «передачу продавцу денежных средств или иных материальных ценностей или благ (движимого или недвижимого имущества, ценных бумаг, спиртных напитков, продуктов питания, других объектов гражданских прав – выполнение работ, оказание услуг, предоставление имущественных прав)» [14, с. 86]. Оставляя в стороне путанность приводимого данными авторами перечня вариантов оплаты «живого товара», отметим лишь существенную слабость предлагаемого ими решения. Если у авторов, высказывавших подобную точку зрения до ноября 2008 г., для этого имелись некоторые основания, то после того, как в ст. 127¹ УК РФ появилось прямое указание на «иные сделки», фактические «мена» и «аренда» человека не должны квалифицироваться как его купля-продажа, ибо в противном случае ничего не останется на долю «иных сделок». Стало быть, под куплей-продажей человека следует понимать лишь такой противоправный договор, согласно которому одна сторона – «покупатель» – обязуется уплатить «продавцу» определённую денежную сумму за человека, а «продавец» обязуется передать «покупателю» потерпевшего вместе со всеми фактическими полномочиями в отношении него, присущими праву собственности.

В связи с появлением в составе торговли людьми «иных сделок» возникает и вопрос о соотношении их с такими действиями, как передача и получение.

Некоторые авторы как будто не замечают эту проблему, давая практически одинаковые определения и купле-продаже человека, и иным сделкам в отношении человека, и его передаче и получению. Например, Т. В. Долголенко, которая, как было указано выше, включает в понятие купли-продажи человека все случаи приобретения «живого товара» для постоянного или временного распоряжения, буквально на следующей странице пишет: «Иные сделки в отношении человека – это способ совершения преступления, в котором законодатель признал торговлю людьми, любые сделки в отношении человека: дарение, мена, рента, аренда, подряд, безвозмездное пользование и т. п.». А ещё через пару абзацев утверждается следующее: «Передача – это действие, которое может быть возмездным и безвозмездным, потерпевший может находиться у виновного как на законном, так и незаконном основании. Передача может быть осуществлена и на определённый срок, и навсегда. ... Получение – это действие, связанное с приобретением в результате передачи, дарения, обмена, дачи взаймы и т. п. Получение может быть возмездным или безвозмездным, на определённый срок или навсегда, с выполнением определённых условий или без них» [16, с. 113]. Возникает как минимум два логичных вопроса: если все

три понятия означают одно и то же, то каков смысл в их одновременном использовании в диспозиции одной и той же статьи, т. е. в параллельном существовании трёх тождественных деяний в рамках одного и того же состава преступления? И какое из этих трёх деяний следует вменять конкретному лицу, привлекаемому к ответственности за торговлю людьми? Но у данного автора ответа на эти вопросы нет; соотношение трёх вышеперечисленных деяний даже не проблематизировано.

Так же «легко» подходят к толкованию обязательных признаков состава столь тяжкого преступления и некоторые весьма авторитетные учёные – авторы солидных учебников, изданных ведущими юридическими издательствами страны. Так, Л. Л. Кругликов полагает: «Передача выражается в предоставлении человека лицами, у которых он находится, посторонним лицам для временного использования, содержания либо же для отчуждения. ... *Получение* – это завладение человеком по иной, помимо купли-продажи, сделке в качестве предмета эксплуатации» [17, с. 90]. Вопрос остаётся тем же: в чём разница между «иными сделками» и «передачей-получением»? И ответа на него вновь не предлагается.

В статье С. А. Яшкова передача и получение человека названы «формой исполнения купли-продажи» и включены в число признаков «купи-продажи как уголовно наказуемого деяния» [14, с. 86]. Однако же данный автор тоже не ставит вопрос, где проходит грань между передачей-получением как «формой купли-продажи» и передачей-получением как самостоятельными деяниями.

С одной стороны, сделка в отношении человека (в том числе и купли-продажа) при реальном её исполнении предполагает передачу и получение [11, с. 141–142; 12, с. 24; 18, с. 17–18]; с другой стороны, в свете действующей редакции ст. 127¹ УК РФ вряд ли можно согласиться с высказывавшимися ранее предложениями, что под передачей и получением следует понимать любую отличную от купли-продажи сделку [13, с. 21–22; 19, с. 40]. Не поможет нам и интерпретивная аналогия с составом незаконного оборота оружия, где под передачей (в отличие от сбыта) традиционно понимается предоставление для временного использования или хранения: ведь временное использование – это либо ссуда, либо аренда, т. е. опять-таки сделка (равно как и хранение).

По мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, «передача и получение потерпевшего означают его переход от одного участника к другому любым способом помимо купли-продажи, иных сделок, когда владение потерпевшим первого участника прекращается (передача) и возникает владение жертвой второго участника (получение)» [20, с. 288]. Представляется, что владение (пусть и фактическое) нельзя ни установить, ни прекратить без совершения какой-либо сделки, и не важно, идёт ли речь о сфере легального хозяйственного оборота или о теневой экономике. А потому предложенное решение едва ли может быть признано приемлемым.

Нам видится два выхода из этой ситуации. Один из них можно условно назвать консервативным, поскольку он не предполагает изменений в законодательстве; сводится этот вариант к тому, чтобы признать передачу-получение посредничеством в сделке в отношении человека [11, с. 144], т. е. ограничить их от купли-продажи и иных сделок в отношении человека по направленности умысла субъекта, а точнее – по его отношению к деянию как к совершаемому в своём или в чужом противоправном интересе. Другим выходом могла бы стать новеллизация ст. 127¹ УК РФ, в результате которой купля-продажа и иные сделки в отношении человека оказались бы неразрывно связанными с его передачей и получением. Тогда ч. 1 названной статьи могла бы иметь примерно следующую редакцию: «Передача и получение человека во исполнение совершённой в отношении него сделки, включая куплю-продажу». Такая формулировка, с одной стороны, сняла бы проблемы толкования, непосредственно влияющие на квалификацию, а с другой – позволила бы учесть степень реализации преступного умысла, избежав уравнивания фактического причинения ущерба объекту преступления (что имеет место при переходе потерпевшего «из рук в руки») с абстрактно-отдалённой угрозой этому объекту (при заключении сделки в отношении человека). На наш взгляд, действующая редакция ст. 127¹ УК РФ, написанная по международным (а фактически – по англосаксонским) образцам, необоснованно стирает границы между стадиями преступной деятельности и, таким образом, сводит на нет положения общей части о различной наказуемости приготовительных действий, покушения и оконченного преступления, ставя под угрозу реализацию принципа справедливости при назначении наказания.

Признавая, что различные деяния, перечисленные в ст. 127¹ УК РФ, имеют неодинаковую общественную опасность, считаем всё же нецелесообразным выделять действия, «сопутствующие» сделкам, в отдельный состав «содействия торговле людьми», как это предлагают некоторые авторы [4, с. 23; 9, с. 100–101; 13, с. 22; 21, с. 6]. Дело в том, что постсоветская уголовно-правовая доктрина и судебная практика не придерживаются известного континентальному уголовному праву принципа *lex primaria derogat legi subsidiariae*, а потому разделение состава обернётся зачастую необоснованным удвоением ответственности торговцев людьми: появится возможность привлекать их, к примеру, и за сделку, и за предшествующую ей вербовку как за два самостоятельных преступления, что вряд ли будет соответствовать принципу справедливости и едва ли даст какой-то ощутимый эффект в плане общей или специальной превенции. А если учесть, что весь состав торговли людьми, строго говоря, есть не что иное, как приготовление к последующей эксплуатации [22, с. 76] (или к преступлениям, не связанным с эксплуатацией), то виновные и так практически всегда отвечают по правилам о совокупности, несмотря на то, что действуют с единым умыслом. Поэтому, на наш взгляд, следует не переносить вер-

бовку, укрывательство и перевозку людей из статьи о торговле людьми в самостоятельную статью, множа и без того многочисленные юридические фикции, а просто исключить их из ст. 127¹ УК РФ, как это уже предлагалось рядом авторов [23, с. 23–24; 24, с. 15], распространив на эти случаи положения общей части. Считаю лишь необходимым уточнить, что такие действия не всегда являются соучастием в тесном смысле, как это видится Д. Я. Зайдиевой и Е. А. Кисловой: иногда их будет необходимо квалифицировать по правилам о неоконченном преступлении (ст. 30) без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Конечно, нам могут возразить, что статья о торговле людьми (а точнее – о сделке в отношении человека) в предлагаемой нами редакции будет не в полной мере соответствовать положениям ратифицированного Российской Федерацией Палермского протокола. Вместе с тем п. «с» ч. 2 ст. 5 данного документа предусматривает обязательство каждого государства-участника принять «такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяний» «организацию других лиц или руководство ими с целью совершения какого-либо преступления, признанного таковым» в соответствии с этим Протоколом. Ряд стран Восточной Европы в точности исполнили данное требование, и в их национальных уголовных законах появились отдельные статьи о создании групп для совершения преступлений, связанных с торговлей людьми, и об участии в таких группах (см., например, ст. 186-а Уголовного закона Боснии и Герцеговины, ст. 210-б Уголовного закона Федерации Боснии и Герцеговины, ст. 147 нового УК Республики Сербской, ст. 207-а Уголовного закона округа Брчко БиГ, ст. 418-в УК Республики Македонии и др.). Российский законодатель не дошёл (и хочется надеяться – не дойдёт) до такой казуистики: подобного рода деятельность получает у нас вполне адекватную уголовно-правовую оценку по ст. 127¹ УК РФ с применением общих норм о приготовлении и соучастии, а при наличии к тому оснований – и по ст. 209 или 210 УК РФ. А значит, возможна и дальнейшая «разгрузка» диспозиции ст. 127¹ УК РФ от действий, не являющихся исполнительскими по своей природе.

Перейдём, наконец, к цели эксплуатации как признаку, характеризующему субъективную сторону анализируемого состава преступления. В этой связи необходимо остановиться на двух взаимосвязанных вопросах: во-первых, о принципиальной возможности «неэксплуаторской» торговли людьми и, во-вторых, о том, кто может преследовать «эксплуаторские» цели.

Поскольку появление в российском уголовном законодательстве нормы о торговле людьми произошло одновременно с исключением статьи о торговле несовершеннолетними, многие учёные были обеспокоены тем, что в 2003 г. произошла фактическая декриминализация купли-продажи детей ради усыновления: ведь в первоначальной редакции ст. 127¹ УК РФ цель эксплуатации была обязательным признаком для всех деяний, а при покупке младенца для усыновления и воспитания такая цель, очевидно, отсутству-

ет [8, с. 161; 9, с. 103; 21, с. 5]. И хотя в литературе высказывались иногда соображения о реагировании на подобные инциденты с помощью уголовно-правовых норм о подмене ребёнка, о незаконном усыновлении, о неисполнении обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних и даже о некоторых должностных преступлениях (и эти соображения подкреплялись соответствующими примерами из правоприменительной практики) [18, с. 21–22], гораздо чаще на это явление ссылались как на основной аргумент в пользу исключения цели эксплуатации из законодательного описания торговли людьми, дабы за любые сделки в отношении человека всегда наступала ответственность именно как за торговлю людьми [12, с. 13; 13, с. 23–24; 24, с. 17; 25, с. 179]. Подобные предложения были реализованы в Федеральном законе от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ: в соответствии с ним ч. 1 ст. 127¹ УК РФ изложена в новой редакции, согласно которой цель эксплуатации не является больше обязательным признаком торговли людьми, совершаемой в форме купли-продажи или иных сделок в отношении человека. Думается, такое решение законодателя следует одобрить: независимо от того, какие цели преследовали стороны подобных сделок и какими мотивами при этом руководствовались, они в любом случае заслуживают строгого морального упрека и должны нести уголовное наказание, поскольку их действия являются отрицанием человеческого достоинства потерпевшего.

В то же время имеется и несколько иная точка зрения. Так, группа авторов с Факультета безопасности в Скопье (Республика Македония) пишут: «В случаях незаконного усыновления усыновляемый ребёнок выступает в роли жертвы, так как главной целью усыновления являются не интересы ребёнка, а интересы приёмных родителей или «торговцев». Хотя ребёнок и получает родителей, которые обязаны поддерживать его и заботиться о нём, однако, принимая во внимание то, каким образом ребёнок оказался в таком положении, а также конечную цель торговли людьми, мы можем прийти к выводу, что это эксплуатация» [26, с. 281]. Интересно, что аналогичная позиция отчасти воплощена и в российском законодательстве: в 2013 г. в ходе очередной новеллизации Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» ст. 1 этого закона была дополнена следующей нормой-дефиницией: «эксплуатация детей – использование занятия проституцией несовершеннолетними и иные формы их сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги) несовершеннолетних, подневольное состояние несовершеннолетних, незаконное изъятие у несовершеннолетних органов и (или) тканей, *незаконное усыновление (удочерение) несовершеннолетнего из корыстных побуждений*».

Вряд ли можно согласиться, что усыновлённый ребёнок (если, конечно, усыновление не служит маскировкой подневольного состояния или использования в качестве донора) эксплуатируется своими новыми родителями; в противном случае пришлось бы при-

знать «эксплуататорами» и тех людей, что принимают решение родить ребёнка ради получения «материнского капитала», и тех, кто, воспитывая своих детей, руководствуется желанием обеспечить себе поддержку в старости (т. е. «своими» интересами), что встречается не так уж и редко. Поэтому некоторые формы незаконного усыновления следует рассматривать как наиболее наглядный пример торговли людьми без цели эксплуатации. Положения же Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» не должны учитываться при квалификации содеянного, поскольку согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом.

Точка зрения о неприменимости понятия *эксплуатация* к незаконному усыновлению как таковому высказывается и некоторыми западноевропейскими специалистами по международному уголовному праву [27, с. 254]. При этом обращается внимание на то, что данная проблема отчасти решается отдельным международно-правовым актом, а именно Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребёнка, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (2000 г.). В п. «а» ст. 2 данного документа торговля детьми (*sale of children*) определяется как «любой акт или сделка, посредством которых ребёнок передаётся любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение». Здесь (в отличие от Палермского протокола) акцент делается не на цели эксплуатации, а на возмездной сделке. Налицо, стало быть, определённое пересечение (но не полное совпадение и не подчинение!) понятий «торговля людьми» (*trafficking in human beings*) и «торговля детьми» (*sale of children*) в международном праве. Российский законодатель, объединив подходы, воплощённые в двух протоколах к двум разным конвенциям, принятым под эгидой ООН, сумел в конечном итоге избежать необоснованной конкуренции между нормами особенной части УК РФ, обеспечив при этом практически беспроблемную защиту личной свободы и человеческого достоинства как взрослых, так и детей.

Опасения ряда учёных, связанные с исключением эксплуататорской цели из числа обязательных признаков уголовно наказуемой сделки в отношении человека, представляются нам недостаточно убедительными. Так, В. А. Лаевский, анализируя ст. 181 УК Республики Беларусь, текстуально совпадающую со ст. 127¹ УК РФ, утверждает, что при её нынешней редакции «мы можем дойти до абсурда, признав торговлей людьми действия лица, например, не пожелавшего ... обращаться в компетентные органы и выкупившего заложника с целью его освобождения у лиц, захвативших потерпевшего, либо безвозмездную или возмездную (а может и с «доплатой» в качестве возмещения предполагаемых расходов) временную передачу родителями ребёнка другим лицам для воспитания» [11, с. 142]. Полагаем, что риск «дойти до абсурда» здесь преувеличен. Во-первых, общее определение преступления в российском (и в белорус-

ском) законодательстве содержит указание на его материальную сторону – общественную опасность (ч. ст. 14 УК РФ, ч. 1 ст. 11 УК РБ), что может применяться как непосредственно, так и опосредованно – через положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (включая крайнюю необходимость). Во-вторых, в приведённом примере с передачей на воспитание ребёнок является не предметом сделки, а выгодоприобретателем по ней; соответственно, и оплачивается не он, а услуги по его воспитанию (содержанию), так что здесь даже формально нет признаков торговли людьми.

Но если уж цель эксплуатации перестала быть обязательным условием наступления уголовной ответственности за куплю-продажу человека и совершение иных сделок в отношении человека, то целесообразно ли было оставлять её для «сопутствующих» действий? Думается, нет. Прежде всего, как справедливо отмечается в литературе, эксплуататорскую цель преследует только лицо, которое, приобретя человека, в дальнейшем лично его эксплуатирует, тогда как для иных лиц первичной целью является, как правило, получение прибыли [12, с. 30–31; 23, с. 24]. А это значит, что в свете действующей редакции ст. 127¹ УК РФ мы вынуждены либо признать эту норму «мёртвой» в части, признающей исполнительскими действиями вербовку, перевозку, передачу, укрывательство и получение человека, либо прибегнуть к весьма вольному (на грани нормотворчества) толкованию закона и понимать цель эксплуатации не как конечный результат, к которому стремится каждый из виновных в совершении данного преступления, а как осознание вербовщиком, перевозчиком, передатчиком, укрывателем или получателем того обстоятельства, что кто-то будет эксплуатировать потерпевшего (однако это уже, строго говоря, не столько цель, сколько содержание интеллектуального момента умысла). Но даже при таком толковании *praeter legem* мы не сможем избежать парадоксов квалификации, ибо одни и те же действия будут получать различную правовую оценку в зависимости от субъективной стороны не самого их учинителя, а третьих лиц (иных участников преступной деятельности). Так, если лицо предоставляет помещение для проживания жертв торговли людьми, зная, что они предназначены для эксплуатации рабского труда, то его действия на сегодняшний день следует квалифицировать непосредственно по ст. 271 УК РФ как укрывательство; если же речь идёт о незаконно усыновляемых детях, то их укрыватель будет нести ответственность за пособничество в торговле людьми со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, ибо в этом случае на его стороне нет указанного в ст. 127¹ УК РФ субъективного элемента. Такое различие в правовой оценке не поддаётся никакому разумному обоснованию, и оно становится ещё менее приемлемым, если вспомнить, что в российском уголовном праве разграничение соисполнительства и пособничества традиционно проводилось по внешним свойствам деяния, т. е. на основе формально-объективной (а не субъективной) теории соучастия.

Для обеспечения единообразного применения норм о торговле людьми требуются совместные усилия науки,

судебно-следственных органов и законодателя. Некоторые вопросы судебной практики (например, о содержании и моменте окончания вербовки и перевозки, о разграничении сделки и передачи-получения) могут быть решены на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, однако окончательное их снятие возможно лишь в рамках законодательной процедуры. В порядке дискуссии предлагаем следующую редакцию нормы, содержащей основной состав торговли людьми:

1. Передача и получение человека во исполнение совершённой в отношении него сделки, включая куплю-продажу, – наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

Данная реформа позволит нам приблизить законодательное описание преступления к его фактической социальной природе. Диспозиция останется альтернативной, но это будет альтернатива двух взаимообусловленных действий, каждое из которых представляет собой самостоятельное единичное преступление – либо простое, либо (при совершении его в условиях лишения потерпевшего свободы) длящееся, либо (при множественности потерпевших и едином умысле ви-

новых лиц) продолжаемое. Сегодняшняя же редакция ст. 127¹ УК РФ создаёт лишь иллюзию сложности преступления там, где её зачастую нет. А. П. Козлов, рассматривая феномен «альтернативных», или «диспозиционно-множественных» преступлений, справедливо указывает на то, что нередко образующие такое преступление «отдельные телодвижения лишь терминологически обособлены, тогда как в иных преступлениях такие действия носят характер создания условий или частичного исполнения преступления без терминологического оформления»; «каждое действие представляет собой отдельный этап преступления, ведущий к следующему этапу» [28, с. 362]. Именно с этим явлением мы сталкиваемся сегодня в законодательном определении торговли людьми; и именно это явление следует устранить. Благодаря предлагаемому нами изменению будет, во-первых, устранена конкуренция ст. 127¹ с нормами общей части о стадиях и соучастии (а это значит – облегчён процесс квалификации и укреплен режим законности); во-вторых, более полно реализован принцип справедливости в процессе уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми.

Литература

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М.: Городец, 2007. 336 с.
2. Stojanović Z. Proces stvaranja krivičnog zakonodavstva i suzbijanje kriminaliteta // Stanje kriminaliteta u Srbiji i pravna sredstva reagovanja. Deo III. Beograd: Pravni fakultet Univerziteta, 2009. Str. 13–31.
3. Станојоска А. Процесот на создавање дефиниција на трговијата со луѓе // Годишник на Факултетот за безбедност Скопје. 2011. С. 196–208.
4. Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М. Уголовно-правовые и международные аспекты борьбы с использованием рабского труда и торговлей людьми. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет», 2016. 130 с.
5. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 75 с.
6. Титушкина Е. Ю. Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 23–26.
7. Гетман И. Б. Уголовная ответственность за торговлю людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. 25 с.
8. Иногамова-Хегай Л. В. Закон, наука и практика по противодействию преступлениям против похищения человека и торговли людьми // Правовое содержание уголовного закона: материалы круглого стола к юбилею Ю. В. Голика. СПб.: Юридический центр, 2017. С. 150–163.
9. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 98–106.
10. Алихаджиева И. С. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (статьи 127.1 и 240 УК России) // Уголовное право. 2008. № 1. С. 4–8.
11. Лаевский В. А. Противодействие торговле людьми: совершенствование уголовного законодательства и вопросы судебной практики // Судебная практика в контексте принципов законности и права. Мн.: Тесей, 2006. С. 138–151.
12. Дворкин А. И., Торбин Ю. Г., Смирнов Г. К., Кадырова А. Г. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование: учеб.-практ. пособие. М.: Юристъ, 2007. 294 с.
13. Егорова Л. Ю. Торговля несовершеннолетними: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.
14. Яшков С. А. Купля-продажа человека как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ: отдельные теоретические и практические аспекты квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 2. С. 85–88.
15. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Юрлитинформ, 2015. Ч. I. 640 с.
16. Долголенко Т. В. Преступления против личности: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 228 с.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.

18. Гишинский Я. И., Овчинникова Г. В. Торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. 36 с.
19. Кадников Ф. Н. К вопросу об объективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми) // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 5. С. 38–40.
20. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Парог. М.: Проспект, 2014. 496 с.
21. Алихаджиева И. С. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // *Уголовное право*. 2006. № 5. С. 4–7.
22. Ристивојевић Б. Мит о трговини људима у међународном кривичном праву. Нови Сад: Правни факултет, 2015. 160 с.
23. Кислова Е. А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 31 с.
24. Зайдиева Д. Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
25. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ, 2006. 591 с.
26. Ваџановић О., Ваџановић А., Јованова Н. Illegal adoption – form of trafficking in children // *Security and Euroatlantic perspectives of the Balkans: Police science and Police profession (states and perspectives): International scientific conference, 25–26 May 2012, Ohrid, Skopje: Faculty of Security, 2012. Vol. II. P. 280–294.*
27. Sax H. Child trafficking – a call for rights-based integrated approaches // *Routledge Handbook of Human Trafficking* / eds. R. Piotrowicz, C. Rijken, B. Heide Uhl. London: Routledge, 2018. P. 251–260.
28. Козлов А. П. Юридическая природа составных и альтернативных «преступлений» // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. 2006. № 10. С. 358–362.

ESSENTIAL ELEMENTS OF THE CRIME OF HUMAN TRAFFICKING UNDER INTERNATIONAL AND RUSSIAN CRIMINAL LAW

Semyon A. Silaev^{1, @1}, *Ivan V. Kovylov*^{2, @2}

¹ *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

² *Collegium of Advocates No. 31 of Leninsk-Kuznetsky, 55, Kirov Ave., Leninsk-Kuznetsky, Russia, 652500*

@1 *silajeu@tut.by*

@2 *pwl.nm@yandex.ru*

Received 09.03.2018. Accepted 02.04.2018.

Keywords: human trafficking, slavery, exploitation, The Palermo Protocol, offence of several transactions, stages of committing an offence.

Abstract: The paper is devoted to analysis of the problems related to the implementation of the provisions of international agreements concerning trafficking in human beings, primarily the so-called Palermo protocol to the United Nations Convention against Transnational Organised Crime, into the national penal legislation of the Russian Federation. Initially, the authors point out some terminological shortcomings and criticise mechanical transfer of the conventional provisions to the national law. Actus reus and mens rea of the offence under study are specified by applying dogmatic and comparative methods of legal research; both technical and political deficiencies in legal definition of human trafficking consequent upon the implementation process are emphasised. In conclusion, the project of legislative reform (including renaming of the offence provided in the Article 127.1 of the Russian Penal Code) is proposed, as a possible solution to the issue of adequate implementation of anti-trafficking efforts of the international community into Russian criminal law that would be in accordance with the concepts and principles of the continental law, fundamental institutions of the general part of the national penal legislation and achievements of national juridical doctrine.

For citation: Silaev S. A., Kovylov I. V. Kriminoobrazuiushchie priznaki trgovli liud'mi v mezhdunarodnom i rossiiskom ugovolnom prave [Essential Elements of the Crime of Human Trafficking Under International and Russian Criminal Law]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 1 (2018): 55–65.

References

1. Kuznetsova N. F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes]. Moscow: Gorodets, 2007, 336.
2. Stojanović Z. Proces stvaranja krivičnog zakonodavstva i suzbijanje kriminaliteta [Penal law-making process and action against criminality]. *Stanje kriminaliteta u Srbiji i pravna sredstva reagovanja* [Crime situation in Serbia and legal reaction remedies]. Beograd: Pravni fakultet Univerziteta, part 3 (2009): 13–31.
3. Stanojsoška A. Procesot na sozdavanje definicija na trgovijata so lugje [The process of creating a trafficking in human beings definition]. *Godišnik na Fakultetot za bezbednost Skopje* [Faculty of Security Yearbook]. 2011, 196–208.
4. Kurguzkina E. B., Polianskaia E. M. *Ugolovno-pravovye i mezhdunarodnye aspekty bor'by s ispol'zovaniem rabskogo truda i trgovlei liud'mi* [Criminal-law and international aspects of combating exploitation of slave labour and trafficking in human beings]. Voronezh: FGBOU VO «Voronezhskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet», 2016, 130.
5. Shestakov D. A. *Vvedenie v kriminologiiu zakona* [Introduction to criminology of law]. Saint-Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2011, 75.
6. Titushkina E. Iu. Novyi etap formirovaniia «profilakticheskogo prava» [New evolution stage of «preventative law»]. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 4 (2016): 23–26.
7. Getman I. B. *Ugolovnaia otvetstvennost' za trgovliu liud'mi*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Criminal liability for human trafficking. Cand. jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Tyumen, 2010, 25.
8. Inogamova-Khegai L. V. *Zakon, nauka i praktika po protivodeistviu prestupleniim protiv pokhishcheniia cheloveka i trgovli liud'mi* [Law, doctrine and practice as to counteraction towards the kidnapping and human trafficking]. *Pravovoe sodержanie ugovnogo zakona: materialy kruglogo stola k iubileiu Iu. V. Golika* [Legal content of the criminal law: Proc. round table dedicated to the jubilee of Yuri Golik]. Saint-Petersburg: Iuridicheskii tsentr, 2017, 150–163.
9. Pudovochkin Iu. E. *Otvetstvennost' za trgovliu liud'mi po rossiiskomu ugovnomu pravu* [Liability for human trafficking under Russian penal law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, no. 3 (2007): 98–106.
10. Alihadzhieva I. S. *O razgranichenii trgovli liud'mi i vovlecheniia v zaniatie prostitutsiei (stat'i 127.1 i 240 UK Rossii)* [On the distinction between human trafficking and enticement into prostitution (articles 127.1 and 240 of the Penal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, no. 1 (2008): 4–8.
11. Laevskii V. A. *Protivodeistvie trgovle liud'mi: sovershenstvovanie ugovnogo zakonodatel'stva i voprosy sudebnoi praktiki* [Counteraction towards the human trafficking: enhancement of criminal legislation and issues of judicial practice]. *Sudebnaia praktika v kontekste printsipov zakonnosti i prava* [Judicial practice in the context of the principles of legality and justice]. Minsk: Tesei, 2006, 138–151.
12. Dvorkin A. I., Torbin Iu. G., Smirnov G. K., Kadyrova A. G. *Torgovlia liud'mi v Rossiiskoi Federatsii: kvalifikatsiia, preduprezhdenie, rassledovanie* [Human trafficking in the Russian Federation: qualification, prevention, investigation]. Moscow: Iurist, 2007, 294.
13. Egorova L. Iu. *Torgovlia nesovershennoletnimi: problemy kvalifikatsii*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Trafficking in minors: problems of qualification. Cand. jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2007, 29.
14. Iashkov S. A. *Kuplia-prodazha cheloveka kak sposob soversheniia prestupleniia, predusmotrennogo st. 127.1 UK RF: ot del'nye teoreticheskie i prakticheskie aspekty kvalifikatsii* [Purchase and sale of a person as a means of committing a crime under article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: selected theoretical and practical aspects of the qualification]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2 (2016): 85–88.
15. Lopashenko N. A. *Prestupleniia v sfere ekonomicheskoi deiatel'nosti* [Crimes in the sphere of economic activities]. Moscow: Iurlitinform, part 2 (2015): 640.
16. Dolgolenko T. V. *Prestupleniia protiv lichnosti* [Crimes against the person]. Krasnoyarsk: SFU, 2011, 228.
17. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaia chast'* [Criminal law of Russia. Special part]. Ed. Sundurov F. R., Talan M. V. Moscow: Statut, 2012, 943.
18. Gilinskii Ia. I., Ovchinnikova G. V. *Torgovlia liud'mi: kriminologicheskii i ugovno-pravovoi analiz* [Human trafficking: criminological and criminal-law analysis]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii iuridicheskii institut (filial) Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2008, 36.
19. Kadnikov F. N. *K voprosu ob ob'ektivnykh priznakakh sostava prestupleniia, predusmotrennogo st. 127.1 UK RF (torgovlia liud'mi)* [To the question of objective elements of the corpus delicti provided by article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (human trafficking)]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*, no. 5 (2006): 38–40.
20. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaia i Osobennaia* [Criminal law of Russia. General and Special Parts]. Ed. Rarog A. I. Moscow: Prospekt, 2014, 496.
21. Alihadzhieva I. S. *Nedostatki zakonodatel'noi reglamentatsii ugovno-pravovoi bor'by s trgovlei liud'mi* [Disadvantages of legal regulation of criminal-law counteraction towards the human trafficking]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, no. 5 (2006): 4–7.

22. Ristivojević B. *Mit o trgovini ljudima u međunarodnom krivičnom pravu* [Myth about human trafficking in international criminal law]. Novi Sad: Pravni fakultet, 2015, 160.
23. Kislova E. A. *Ugolovno-pravovye sredstva protivodeistviia rabstvu i trgovle liud'mi*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Criminal-law means of counteraction towards the slavery and human trafficking. Cand. jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2005, 31.
24. Zaidieva D. Ia. *Ugolovno-pravovaia okhrana lichnoi svobody cheloveka*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Criminal-law protection of liberty of a person. Cand. jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2006, 23.
25. Mizulina E. B. *Torgovlia liud'mi i rabstvo v Rossii: mezhdunarodno-pravovoi aspekt* [Human trafficking and slavery in Russia: international law aspects]. Moscow: Iurist, 2006, 591.
26. Bačanović O., Bačanović A., Jovanova N. Illegal adoption – form of trafficking in children. *Security and Euroatlantic perspectives of the Balkans: Police science and Police profession (states and perspectives): International scientific conference, 25 26 May 2012, Ohrid*. Skopje: Faculty of Security, vol. II (2012): 280–294.
27. Sax H. Child trafficking – a call for rights-based integrated approaches. *Routledge Handbook of Human Trafficking*. Eds. R. Piotrowicz, C. Rijken, B. Heide Uhl. London: Routledge, 2018, 251–260.
28. Kozlov A. P. Iuridicheskaia priroda sostavnykh i al'ternativnykh «prestuplenii» [Legal nature of compound and alternative offences]. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University*, no. 10 (2006): 358–362.